нение.[26] Однако удивление было бы более оправдано, если бы Готшед в этом списке присутствовал. В то время Готшеда не называли в ряду не только лучших, но и вообще заметных поэтов.

Готшед, приехавший из Кёнигсберга в Лейпциг в самом начале 1724 года, был уже начинающим ученым и руководствовался в выборе места своего пристанища[27] прежде всего связью Лейпцига с рационалистической философией Хр. Томазиуса и Хр. Вольфа, приверженцем которой он был. Хотя в Кёнигсберге он принимал участие в поэтическом кружке И. В. Питча (1690–1733), его серьезное занятие поэзией, по словам биографа, началось в Лейпциге под воздействием того значения, которое придавали лейпцигские просветители литературе.[28] Здесь, в Лейпциге, став 1 марта 1724 года членом Поэтического общества, он попал под покровительство Менке, а вскоре занял лидирующее положение в Обществе. Личность и энергия Готшеда изменили соотношение сил в литературном и ученом кругу Лейпцига уже к 1727 году, в течение которого он реорганизовал Общество и начал выпускать литературно-теоретическое издание «Бидерманн» (Der Bidermann). К осени 1729 года он закончил свой знаменитый «Опыт критического рассмотрения поэзии» (Versuch einer Critischen Dichtkunst), за который сразу же получил звание профессора поэзии. Набирающий силу Готшед в Юнкере, когда-то первом среди молодых поэтов Лейпцига, мог вызывать ревность и раздражение. Мало кому известный сегодня Юнкер мог видеть в Готшеде своего соперника. Он, как мы знаем со слов Миллера, был избалован признанием и не мог, вероятно, подчиниться новому авторитету, противостоять же ему у него не хватило сил. Теоретические возможности Юнкера, продемонстрированные им в «Исследовании», не могут идти в сравнение с мощной теоретической базой признанного вскоре всеми лидера немецкого классицизма. А именно теория становится отныне прерогативой Немецкого общества. Умение же легко и изящно, «непринужденно» писать стихи, в чем Юнкер был, по-видимому, силен, Готшедом в отличие от Менке уже не ценилось. Соединение учености с подлинным знанием и ценительством поэзии, которое господствовало при Менке, при Готшеде сменилось высокопрофессиональным отношением к делу. Отныне в писании стихов подвизались чуть ли не все «академические» члены Общества, число которых с каждым годом прибывало главным образом за счет студентов и молодых преподавателей. В этой поставленной на поток поэтической продукции трудно различим голос подлинного поэта, которым, по всей справедливости, независимо от степени дарования мог считать себя Юнкер.

Об известной независимости в теоретических взглядах Юнкера от словесной теории Готшеда, а одновременно о его слабости как теоретика говорит его отношение к известному тогда еженедельнику «Discours der Mahler» (Рассуждение художников, 1721–1723), издаваемого швейцарскими теоретиками поэзии И. Бодмером (Bodmer, 1698–1783) и И. Брей-

---

[26] *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 179–180.

[27] Готшед покинул родной Кёнигсберг из опасения попасть в прусскую армию.

[28] *Danzel Th.* Gottsched und seine Zeit. S. 67.